

**ФОРМИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВЫХ ФОРМ
РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СНГ
В УСЛОВИЯХ УГЛУБЛЯЮЩЕЙСЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ КООПЕРАЦИИ
МЕЖДУ СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮЖНОГО КАВКАЗА**

Научная статья

Е.С. Андрюенко

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Российская Федерация
E-mail: egor.andrienko29@gmail.com*

На постсоветском пространстве энергетика издавна играет роль не только экономического ресурса, но и политического маркера. Именно через нее в последние два десятилетия формировались устойчивые модели взаимодействия между государствами СНГ. Однако сегодня в условиях геополитической турбулентности и многовекторности внешней политики стран региона вопрос о том, насколько энергетическая кооперация способствует формированию стабильных политических связей, требует нового осмысления. В статье предпринята попытка рассмотреть, каким образом энергетические инфраструктурные связи – газопроводы, системы электроснабжения, экспортные маршруты – становятся основой устойчивых, хотя и не всегда институционализированных форм политического взаимодействия. В центре анализа находятся страны Центральной Азии и Южного Кавказа, демонстрирующие противоположные модели энергетической зависимости и политической интеграции. На материале речей лидеров, официальных документов, данных о межгосударственных энергетических проектах и стратегических заявлениях автор показывает, что именно энергетическая сопряженность с Россией выступает ключевым фактором политической устойчивости внутри СНГ, в то время как наличие альтернативных энергетических маршрутов (в первую очередь, в Азербайджане и Грузии) часто ведет к ослаблению политических форматов взаимодействия. В работе используются компаративный и институциональный подходы, делается попытка выйти за рамки формальных критериев интеграции, показав значение инфраструктуры как структурного элемента политического порядка. Результаты исследования позволяют по-новому взглянуть на природу постсоветской кооперации не как на продукт договорных союзов, а как на проявление глубинных взаимозависимостей, формирующих неформальную архитектуру устойчивости в Евразии.

Ключевые слова: *энергетическая кооперация, постсоветское пространство, региональная политическая устойчивость, инфраструктурная взаимозависимость, Центральная Азия, Южный Кавказ, неформальные механизмы интеграции.*

Для цитирования: *Андрюенко Е.С. Формирование устойчивых форм регионального политического взаимодействия в СНГ в условиях углубляющейся энергетической кооперации между странами Центральной Азии и Южного Кавказа // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 1. С. 63–74.*

**FORMATION OF STABLE FORMS OF REGIONAL POLITICAL INTERACTION
WITHIN THE CIS AMID DEEPENING ENERGY COOPERATION
BETWEEN THE COUNTRIES OF CENTRAL ASIA AND THE SOUTH CAUCASUS**

Research article

E.S. Andrienko

*RUDN University named after Patrice Lumumba
Moscow, Russian Federation
E-mail: egor.andrienko29@gmail.com*

In the post-Soviet space, the energy sector has long functioned not merely as an economic resource but also as a political indicator. Over the past two decades, it has become a key channel for shaping enduring models of interaction among CIS member states. However, in the context of mounting geopolitical turbulence and the increasingly multi-vector foreign policies of regional actors, the question of whether energy cooperation continues to foster stable political ties demands a fresh analytical perspective. This article seeks to examine how infrastructural energy linkages – including gas pipelines, electricity networks, and export routes – serve as a foundation for stable, albeit not always institutionalized, forms of political interaction. The focus of the analysis is placed on the countries of Central Asia and the South Caucasus, which represent contrasting models of energy dependence and political integration. Drawing on speeches by national leaders, official documents, data on intergovernmental energy projects, and strategic declarations, the study argues that energy interconnectivity with Russia emerges as a key factor of political stability within the CIS framework. In contrast, the availability of alternative energy routes, most notably in Azerbaijan and Georgia, often correlates with a weakening of political formats of cooperation. The study employs comparative and institutional approaches and attempts to move beyond formal integration criteria by highlighting the structural role of infrastructure in shaping political order. The findings offer a revised understanding of post-Soviet cooperation – not as a product of formalized alliances, but as a manifestation of deeper interdependencies that form an informal architecture of stability across Eurasia.

Key words: *energy cooperation, post-Soviet space, regional political stability, infrastructural interdependence, Central Asia, South Caucasus, informal integration mechanisms.*

For citation: *Andrienko E.S. Formation of stable forms of regional political interaction within the CIS amid deepening energy cooperation between the countries of Central Asia and the South Caucasus // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2026. Vol. 9. № 1. P. 63–74. (In Russ.)*

В условиях растущей геополитической турбулентности, сопровождаемой поляризацией внешнеполитических векторов постсоветских государств, все более очевидной становится потребность в переосмыслении факторов, лежащих в основе устойчивых моделей регионального взаимодействия. Если в первые десятилетия после распада Советского Союза акценты исследовательского анализа смещались преимущественно в сторону институциональных форм интеграции, таких как СНГ, ОДКБ и позднее ЕАЭС, то современная политическая практика все чаще демонстрирует, что неформальные инфраструктурно опосредованные связи оказываются не менее значимыми для поддержания системной стабильности [Бейсебаев, 2018]. Одним из таких структурных факторов выступает энергетическая кооперация, играющая двойственную роль: с одной стороны, она формирует основу взаимозависимости, а с другой – становится каналом политического влияния и, в отдельных случаях, механизмом сближения [Ранджбар, 2024].

Особый интерес в этом контексте представляют два макрорегиона постсоветского

пространства – Центральная Азия и Южный Кавказ, которые, несмотря на их различия в модели внешнеполитического поведения, сохраняют плотную сопряженность в энергетической сфере. В то время как государства Центральной Азии демонстрируют институционально закреплённую вовлечённость в евразийские интеграционные процессы, в первую очередь, в рамках ЕАЭС, и активно наращивают объёмы энергетического взаимодействия с Россией, страны Южного Кавказа, напротив, все чаще ищут альтернативные пути обеспечения энергетической безопасности, балансируя между инфраструктурной зависимостью и политической автономией. Именно это расхождение между уровнем энергетической взаимозависимости и глубиной политической интеграции позволяет говорить о необходимости обращения к энергетике как к скрытой, но устойчивой структуре, внутри которой разворачиваются более широкие региональные процессы¹.

¹ Сентюрин Ю.П., Любовская Н.М. Международное энергетическое сотрудничество и новая концепция внешней политики России URL: <https://energypolicy.ru/2024/17/31> (дата обращения 30.06.2025).

В актуальной политической риторике российских и центральноазиатских лидеров все чаще фиксируется концепт «энергетической устойчивости» как условие регионального порядка. Так, Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев в ходе заседания Высшего евразийского экономического совета в декабре 2023 г. подчеркнул, что именно энергетическая синергия формирует основу долгосрочного доверия в рамках Евразийского экономического союза, тогда как Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев в июне 2024 г., комментируя соглашения с «Газпромом» о прямых поставках, заявил, что энергетическая безопасность невозможна без стратегической предсказуемости, которую предоставляет партнерство с Россией. Эти высказывания иллюстрируют, что энергетическая политика все чаще перестает быть исключительно отраслевым направлением экономического сотрудничества, трансформируясь в канал транслирования более глубоких политических смыслов [Аватков, 2024].

Тем не менее в научной литературе по международным отношениям до сих пор доминирует тенденция трактовать постсоветскую интеграцию преимущественно через призму формальных альянсов, количественных индикаторов торговли и уровня правовой институционализации. При этом остаются в тени так называемые «мягкие» структурные механизмы, не всегда поддающиеся формализации, но способные оказывать долговременное влияние на устойчивость политических форматов [Кязимзаде, 2018]. В данном исследовании предпринимается попытка восполнить этот пробел путем анализа энергетической кооперации как фактора, способствующего формированию устойчивых, пусть и не всегда юридически оформленных, моделей политического взаимодействия внутри СНГ.

Целью статьи является выявление взаимосвязи между энергетической сопряженностью государств и устойчивостью их политического взаимодействия в региональном контексте. Исследование сосредоточено на двух взаимосвязанных задачах: во-первых, описать, как энергетическая инфраструктура (в частности, нефте- и газопроводы, электросети и экспортные мар-

шруты) структурирует политическое поведение государств; во-вторых, определить, в какой мере энергетическая зависимость от России коррелирует с уровнем политической лояльности к интеграционным форматам, в которых Москва занимает лидирующее положение. Теоретико-методологическая основа статьи включает в себя элементы институционального реализма, теории международной взаимозависимости и подходов геэкономике, что позволяет выйти за пределы узкого функционального анализа и предложить более объемное объяснение природы современной постсоветской кооперации.

В качестве основного исследовательского фокуса избрана компаративная реконструкция траекторий энергетического взаимодействия стран Центральной Азии и Южного Кавказа с Российской Федерацией, поскольку именно в этих двух макрорегионах наиболее ярко проявляются различия в характере и глубине сопряженности с российской энергетической системой. При этом анализ будет опираться не только на статистические параметры взаимозависимости и топологию инфраструктурных узлов, но и на интерпретацию политических дискурсов, отражающих институциональные предпочтения и внешнеполитические установки соответствующих государств. Привлечение материалов официальных источников (межправительственные соглашения, совместные энергетические доктрины), а также системный контент-анализ высказываний лидеров, опубликованных в ведущих региональных и международных СМИ, таких как РИА «Новости», «Kazinform», «Sputnik Армения», «Regnum», «Eurasianet» и др., позволяет выявить не только поверхностные, декларативные уровни взаимодействия, но и вскрыть глубинные, структурно закрепленные механизмы политической координации, опосредованные энергетикой.

Особое внимание будет уделено попытке проследить, каким образом наличие или отсутствие энергетической сопряженности влияет на устойчивость политических форматов, особенно в случаях, когда институциональная интеграция не получила полноценного развития. Тем самым ста-

тъя предлагает не просто альтернативную интерпретацию процессов региональной консолидации, отличную от нормативной логики формального альянсообразования, но и создает аналитическую основу для более тонкой калибровки внешнеполитических инструментов России в ближнем зарубежье. В условиях все более ощутимого давления со стороны альтернативных центров силы (в первую очередь, КНР и Турции) энергетическое измерение приобретает характер не столько ресурса, сколько структурного фактора, от которого зависит степень политической воспроизводимости российской субъектности в регионе.

Центральным аналитическим ориентиром, определяющим логические границы настоящей работы, выступает концепция взаимозависимости в интерпретации Р. Кеохейна и Дж. Найя, в которой энергетика рассматривается не только в категориях уязвимости или рыночного взаимодействия, но и как устойчивый канал политического влияния, опосредующий поведение государств. Речь идет о форме асимметричной взаимозависимости, при которой именно Россия сохраняет структурное преимущество, основанное на контроле над ключевыми элементами энергетической инфраструктуры, включая транспортные маршруты и механизмы распределения ресурсов. Эта форма неравномерной взаимозависимости, по сути, формирует не институциональную, а инфраструктурно-политическую иерархию, в рамках которой возможно устойчивое политическое взаимодействие даже при отсутствии формальной интеграции [Братерский и др., 2017].

Дополняя теоретическое обоснование, следует отметить значимость институционального реализма, предложенного в работах С. Вальца и позднее адаптированного к постсоветским условиям рядом российских исследователей (А. Лукиным, Е. Примаковым, А. Барковым), согласно которому региональная стабильность зависит не от плотности юридических механизмов, а от устойчивости поведения государств в ответ на структурные стимулы. С этой точки зрения, когда энергетическая инфраструктура может рассматриваться как часть политического ландшафта не только потому, что

она фиксирует географию влияния, но и потому, что закладывает предсказуемость траекторий региональных акторов. Именно здесь геэкономика акцентирует внимание на невоенных, но структурных инструментах давления и сближения, оказывается особенно полезной для анализа, позволяя оценить энергетику как средство не экспансии, но включения в политическое пространство, основанное на распределенных, но взаимозависимых интересах [Сетов, 2013].

Методологически работа выстраивается на стыке сравнительного кейс-анализа, структурной интерпретации энергетической архитектуры и дискурсивного анализа политических высказываний, отражающих стратегии и ожидания правящих элит. Выбор Центральной Азии и Южного Кавказа обусловлен не только их географической и инфраструктурной сопряженностью с Россией, но и принципиально различными стратегиями: от активного институционального вовлечения (как в случае с Казахстаном или Кыргызстаном) до политической дистанции при наличии плотных энергетических связей (Армения) или ориентации на альтернативные маршруты (Азербайджан, Грузия). Такая многоуровневая методология позволяет не только выявить объективные параметры энергетической взаимозависимости, но и зафиксировать, как эта взаимозависимость осмысливается, артикулируется и переосмысливается в политической риторике, становясь тем самым частью более широких стратегий регионального позиционирования. Это дает основание рассматривать энергетику не как инструмент пассивного функционирования, а как активный фактор, формирующий устойчивость политических траекторий в рамках СНГ.

В постсоветской конфигурации Центральной Азии представляет собой один из немногих регионов, в котором энергетический фактор тесно переплетен с институциональными, политико-культурными и внешнеэкономическими измерениями. Прежде всего, здесь наблюдается высокая концентрация природных ресурсов, главным образом, за счет значительных запасов углеводородов в Казахстане и Узбекистане,

что формирует прочную сырьевую базу для внешнеэкономической активности¹. Кроме того, государства региона демонстрируют устойчивую включенность в интеграционные механизмы, инициированные и поддерживаемые Россией (прежде всего, в рамках Евразийского экономического союза), где энергетика занимает центральное место не только как экономический ресурс, но и как поле политического взаимодействия. Наконец, именно в этом макрорегионе энергетическое сотрудничество наиболее последовательно приобрело характер институционализированной субструктуры, которая, выходя за рамки декларативных формул о «стратегическом партнерстве», проявляется в устойчивых практиках политического поведения и относительно предсказуемой внешнеполитической навигации².

Энергетическая взаимосвязанность, несмотря на провозглашаемую многовекторность, формирует в регионе особый режим ограниченной внешнеполитической подвижности, при котором номинально суверенные решения принимаются в пределах заданной инфраструктурной логики. Эта логика, основанная на технической интеграции, транзитной зависимости и унифицированных нормативных форматах, формирует устойчивое воспроизводство связности с Россией как энергетическим ядром постсоветской системы. В этом смысле энергетика выполняет не только утилитарную или экономическую функцию, но и выступает в роли посредника политической предсказуемости: она кристаллизует траектории поведения, создавая своего рода инерционные модели, устойчивые к изменениям элит, внутривнутриполитическим колебаниям и даже к волатильности внешнеполитической конъюнктуры [Современная геостратегия..., 2024].

¹ Миркамолова Г. Новый этап интеграционных процессов в Центральной Азии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-etap-integratsionnyh-protsov-sov-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения 01.07.2025).

² Мелоян Т. Участие России в развитии транспортных и энергетических коридоров в Центральной Азии в условиях санкций. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/uchastie-rossii-v-razvitii-transportnykh-i-energeticheskikh-koridorov-v-tsentralnoy-azii-v-usloviyakh/?sphrase_id=216981682 (дата обращения: 01.07.2025).

Пожалуй, ни одна страна Центральной Азии не демонстрирует столь ярко выраженной модели институционализированной энергозависимости в сочетании с политической автономией, как Республика Казахстан. Стратегическое значение Каспийского трубопроводного консорциума (КТК), через который проходит свыше 80% экспортируемой нефти, делает Россию не только физическим транзитером, но и посредником в доступе Казахстана к мировым рынкам углеводородов. Несмотря на активную политику диверсификации экспортных маршрутов, включая проект «Среднего коридора» (через Азербайджан, Грузию и Турцию), именно российская инфраструктура остается основой энергетической стабильности страны, что подтверждается неоднократными заявлениями казахстанского руководства о приоритете «доверия и прагматизма» в отношениях с Москвой³.

Характерно, что в официальной риторике Астаны российское присутствие в энергетическом секторе не рассматривается как фактор риска или ограничения, а, напротив, как гарантия предсказуемости и политического баланса в условиях растущей конкуренции внешних игроков. Как подчеркнул Касым-Жомарт Токаев на заседании Высшего Евразийского экономического совета в декабре 2023 г., «энергетическая интеграция с Россией – это не вопрос зависимости, а вопрос общей инфраструктурной логики, которая делает наш регион устойчивым в меняющемся мире»⁴. Такое позиционирование позволяет Казахстану сохранять стратегическую гибкость, одновременно демонстрируя лояльность ключевому поставщику и транзитеру.

Случай Узбекистана интересен с иной точки зрения: несмотря на формально более нейтральную внешнеполитическую позицию, Ташкент активно возвращается в

³ Энергетическая стратегия России на период до 2030 г. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/economic/document122> (дата обращения: 01.07.2025).

⁴ Ахметов А.Н. Каспийский трубопроводный консорциум как стимул к диверсификации экспортных маршрутов нефти Казахстана. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/laiamp/kaspiyskiy-truboprovodnyy-konsortsiy-kak-stimul-k-diversifikatsii-eksportnykh-marshrutov-nefti-kazakhstana> (дата обращения 01.07.2025).

пространство энергетического сотрудничества с Россией, воспринимая его не как угрозу автономии, а как способ обеспечения внутренней стабильности в условиях повышенного социального давления [Умаров, 2022]. Соглашение о поставках российского газа через территорию Казахстана, подписанное в 2023 г., а также расширение прямых контрактов с «Газпромом» вплоть до 2030 г. стали отправной точкой для системного энергетического сближения, подкрепленного визитами на высшем уровне и подписанием рамочных соглашений в сфере электроэнергетики и нефтепереработки¹.

Характерной чертой энергетической стратегии Узбекистана стала ставка на сопряженность с российской системой не как на «безальтернативность», а как на институционально удобную и технически проверенную инфраструктуру, встраивающую страну в более широкую евразийскую энергосистему. Выступая в январе 2024 г. на пресс-конференции по итогам соглашений с российской стороной, Президент Ш. Мирзиев подчеркивал: «Наш выбор в энергетике – это выбор в пользу предсказуемости. Россия – не только поставщик, но и партнер в устойчивости»². Это высказывание, помимо своего декларативного характера, демонстрирует важный момент: энергетическая кооперация становится средством институционального сближения, не будучи формализована в жестких союзных рамках.

Несмотря на скромные масштабы собственных энергоресурсов, Кыргызстан и Таджикистан занимают значимое место в политической энергетике региона, прежде всего, за счет участия в крупных инфраструктурных инициативах, курируемых Россией. Важнейшим фактором здесь выступает не столько экспортная составляющая, сколько внутреннее энергоснабжение, которое зависит от трансграничных поставок топлива и электроэнергии. Кроме того,

реализация совместных проектов в сфере гидроэнергетики (включая модернизацию ГЭС) делает эти страны зависимыми от российских инвестиций и технологической поддержки, что формирует долгосрочные горизонтальные взаимодействия, выходящие за рамки классических экономических расчетов.

Особое значение имеет тот факт, что участие Кыргызстана и Таджикистана в ЕАЭС и ОДКБ накладывает на энергетическое сотрудничество дополнительный политический вектор: энергетика перестает быть предметом исключительно рыночных отношений и становится частью более широкой системы союзных обязательств. При этом энергетическая сопряженность проявляется не столько в масштабах, сколько в глубине политической лояльности, особенно в кризисные периоды, когда поддержка со стороны Москвы приобретает не столько экономический, сколько символический характер, как, например, в период энергетического кризиса в Бишкеке зимой 2023–2024 гг., когда Россия обеспечила внеплановые поставки топлива для стабилизации ситуации [Адамкулова, Айтбаев и др., 2024].

В отличие от относительно сбалансированной и структурно воспроизводимой энергетико-политической конфигурации, сложившейся в Центральной Азии, государства Южного Кавказа демонстрируют фрагментированную, внутренне асимметричную модель внешнеполитической ориентации, в значительной степени определяемую характером их энергетической архитектуры. Здесь энергетика не выступает как механизм воспроизводства устойчивости и союзнической предсказуемости, а, напротив, служит инструментом выстраивания автономных стратегий, направленных на минимизацию зависимости от России при одновременном усилении собственной субъектности в региональной и транзитной политике [Рыпневская, 2024].

Этот процесс сопровождается институциональной деконсолидацией: в то время как Армения продолжает оставаться членом ЕАЭС и ОДКБ, Азербайджан демонстративно дистанцируется от любых форм союзного сближения, предпочитая двусто-

¹ «Газпром» закрепился в Средней Азии. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6759941> (дата обращения: 01.07.2025).

² Президент России и Президент Узбекистана сделали заявления для СМИ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72450> (дата обращения: 01.07.2025).

ронные энергетические соглашения с Турцией, ЕС и китайскими компаниями. Внутри этого геополитического расслоения ключевым фактором становится не объем добываемых или транзитируемых ресурсов, а именно направление энергетических потоков и структура контроля над маршрутами, поскольку именно они определяют архитектуру политического взаимодействия и допустимый коридор маневра во внешней политике [Уелданов, 2024].

Азербайджанская модель энергетической политики представляет собой наиболее яркий пример автономизации через экспортную инфраструктуру. Реализация проектов Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД), Баку–Тбилиси–Эрзурум (Южно-Кавказский трубопровод) в который также входят Транс-анатолийский газопровод и Трансадриатический газопровод, направленного на Европу через Грузию и Турцию, позволила Баку не только значительно сократить структурную зависимость от российских поставок, но и занять самостоятельную позицию на пересечении интересов ЕС, Китая, Ирана и Турции. Это инфраструктурное освобождение фактически предопределило отказ Азербайджана от участия в формализованных интеграционных форматах под эгидой Москвы, при том что сотрудничество в оборонной и технической сферах с РФ сохраняется в виде прагматических партнерств.

Риторика Ильхама Алиева в последние годы последовательно подчеркивает приоритет «энергетического суверенитета» как инструмента политического маневра. Так, в ходе Бакинского энергетического форума в мае 2023 г. он отметил, что «Азербайджан не просто экспортирует газ – он экспортирует предсказуемость и надежность», тем самым ясно артикулируя идею энергетики как инструмента международной легитимации. При этом участие Баку в китайской инициативе «Один пояс – один путь» и последовательное расширение экспортной диверсификации придают энергетической стратегии явно выраженный геоэкономический вектор, в рамках которого Россия рассматривается не как центр притяжения, а как один из конкурирующих акторов [Мамедов, 2024].

На противоположном полюсе располагается Армения, энергетическая зависимость которой от России носит глубинный и во многом институционально закрепленный характер. Контроль со стороны «Газпрома» над газотранспортной системой страны¹, а также долевое участие российских компаний в ключевых сегментах армянской энергетики – от распределительных сетей до атомной энергетики – формирует устойчивую инфраструктурную связанность, выход из которой представляется не только технически затруднительным, но и политически рискованным². Несмотря на волнообразные всплески недовольства в адрес Москвы, особенно на фоне событий в Карабахе, энергетическая логика продолжает задавать пределы политической самостоятельности Еревана.

Показательным в этом смысле стало высказывание Никола Пашиняна на встрече с российским премьер-министром в феврале 2024 г., где он, несмотря на внутреннее давление, подчеркнул, что энергетическое сотрудничество с Россией остается жизненно важным элементом национальной стабильности. Такая риторика свидетельствует о вынужденной, но признанной необходимости поддержания сопряженности с российской системой как источником критической устойчивости, особенно в условиях ограниченного числа альтернативных маршрутов и инвесторов. Более того, энергетическая инфраструктура в случае Армении оказывается тесно связанной с логистикой безопасности, встраиваясь в более широкую систему союзных обязательств в рамках ОДКБ³.

Грузия, в свою очередь, демонстрирует наиболее радикальный отход от модели со-

¹ «Газпром» приостановил подачу природного газа в Армению из-за ремонта. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/532942-gazprom-priostanovil-podacu-prirodnogo-gaza-v-armenii-iz-za-remonta> (дата обращения: 01.07.2025).

² Миллиарды от новой АЭС и решение для «Наирита»: что «Росатом» предлагает Армении. URL: <https://am.sputniknews.ru/20241029/milliardy-ot-novoy-aes-i-reshenie-dlya-nairita-cto-rosatom-predlagaet-armenii-82433202.html> (дата обращения: 01.07.2025).

³ В Армении назвали стратегической ошибкой зависимость от России. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/03/2024/65e2da329a7947564472468f> (дата обращения: 01.07.2025).

пряженности с Россией, начиная с середины 2000-х гг. Энергетическая стратегия Тбилиси строится на максимальной диверсификации поставок и экспорте собственного транзитного потенциала, включая участие в таких инициативах, как TANAP и предполагаемая линия «зеленой» энергетики с участием стран ЕС. При этом в энергетической риторике грузинских властей подчеркивается не столько техническая сторона независимости, сколько ее символический и геополитический характер. Энергетика в данном случае становится не просто инструментом автономии, но и частью национального нарратива о постсоветской деколонизации.

Несмотря на это, подобный курс сопряжен с определенными рисками: будучи лишенной масштабной собственной ресурсной базы, Грузия остается уязвимой к внешним ценовым шокам и техническим перебоям. В этом смысле отказ от энергетического сотрудничества с Россией повышает уровень символического суверенитета, но одновременно снижает устойчивость системы в условиях кризиса, особенно в период зимних пиковых нагрузок, что неоднократно становилось предметом критики в экспертных кругах [Мамедов, 2023].

На фоне качественно различающихся траекторий энергетического развития двух постсоветских макрорегионов – Центральной Азии и Южного Кавказа – выявляется принципиально важная закономерность, заключающаяся в том, что степень инфраструктурной сопряженности с Россией прямо коррелирует с характером и стабильностью политического взаимодействия. При всей неоднородности вовлеченных стран именно наличие или отсутствие глубоких энергетических связей предопределяет границы допустимой внешнеполитической автономии, что, в свою очередь, формирует различный уровень устойчивости в отношениях с Москвой.

Центральноазиатские государства, включая как участников ЕАЭС, так и внеблоковые, демонстрируют схожую модель институциональной предсказуемости, основанную не столько на юридически оформленных обязательствах, сколько на воспроизводимой логике энергетической взаимо-

зависимости. Казахстан, Узбекистан и, в определенной степени, Кыргызстан и Таджикистан выступают примерами стран, где энергосистема де-факто интегрирована в российскую инфраструктурную архитектуру, а поведение элит даже при риторической многовекторности остается относительно устойчивым и прагматичным в отношении Москвы. Здесь энергетика не просто обеспечивает транзит или экспорт ресурсов, она структурирует внешнеполитическое пространство, задавая ограничитель для резких отклонений и способствуя воспроизводству устойчивых поведенческих моделей [Петров, 2022].

С другой стороны, Южный Кавказ демонстрирует иную модель энергетико-политического взаимодействия. Только Армения сохраняет высокую степень зависимости от России, которая, однако, в условиях трансформирующегося внутреннего политического климата утрачивает прежний стабилизирующий эффект и все чаще воспринимается как фактор ограниченности. Азербайджан, обладая автономной инфраструктурой и масштабным экспортным потенциалом, полностью вывел энергетику за пределы российской орбиты, превратив ее в рычаг политического маневра и основу многовекторной внешней стратегии. Грузия, в свою очередь, сделала ставку на символическое дистанцирование, сопровождаемое диверсификацией источников, что в краткосрочной перспективе усилило ее субъектность, но одновременно повысило чувствительность к внешним потрясениям. В совокупности это формирует картину региона, в котором слабая энергетическая сопряженность с Россией коррелирует с фрагментацией политических траекторий и высоким уровнем неопределенности в межгосударственном взаимодействии [Кузнецов, 2020].

Особое внимание заслуживает характер взаимозависимости, который в случае Центральной Азии имеет признаки асимметричной, но институционально принятой модели, тогда как в Южном Кавказе, за исключением Армении, любая сопряженность рассматривается как временное или вынужденное обстоятельство. Это различие не просто терминологическое: оно указывает

на разные уровни легитимности энергетического партнерства с Россией в глазах национальных элит, а, следовательно, на различные горизонты устойчивости политического взаимодействия. Энергетика в таком понимании перестает быть исключительно предметом экономики или логистики и приобретает характер геополитической переменной, определяющей вектор и амплитуду постсоветских процессов.

Таким образом, сравнительный анализ демонстрирует, что энергетическая сопряженность, вопреки распространенному мнению о ее функциональном, сугубо утилитарном характере, выполняет роль глубинного структурного стабилизатора. Там, где она сохраняется, как в Центральной Азии, формируются устойчивые, хотя и не всегда формализованные, формы политической связанности. Там же, где она ослаблена или заменена альтернативными внешними ориентирами, как в Азербайджане или Грузии, политическое взаимодействие с Россией либо сводится к прагматичному минимуму, либо демонстрирует высокую степень непредсказуемости. Этот вывод приобретает особую значимость в условиях нарастающей конкуренции за влияние в Евразии, где энергетическая инфраструктура становится не только ареной, но и инструментом геополитической реконфигурации.

Современный этап формирования региональных энергетических связей в пространстве СНГ характеризуется возрастанием влияния новых внешних акторов, чьи стратегические приоритеты и методологический инструментарий системно трансформируют традиционные постсоветские модели взаимодействия, закладывавшиеся в предыдущие десятилетия. В условиях активного перераспределения глобальных центров силы ключевую роль в определении направлений энергетической интеграции и согласования политических позиций в регионе приобретают Китай, Турция, а также Европейский Союз наряду с рядом иных субъектов, выступающих в качестве альтернативных источников финансовых вливаний и инновационного партнерства.

Особую значимость обретает китайская стратегия «Один пояс – один путь», предполагающая комплексное развитие

инфраструктурных и транспортно-логистических проектов, которые не только модернизируют энергетические мощности, но и способствуют формированию новых взаимосвязей экономического и политического характера. Активное участие КНР в реализации энергетических инициатив Центральной Азии и Южного Кавказа, подкрепленное масштабным кредитным финансированием, строительством трубопроводных систем и реконструкцией электросетей, способствует диверсификации региональных энергетических зависимостей, одновременно ослабляя гегемонию России в соответствующем секторе. Однако такая инфраструктурная экспансия требует детального рассмотрения с учетом потенциальных рисков для внутренней политической устойчивости государств региона, где интеграция в китайскую экономическую орбиту может породить новые формы зависимости, создавая вызовы для уже существующих политических ориентиров и балансировок.

Параллельно с Пекином Турция усиливает свои позиции в энергетическом пространстве, особенно в масштабах Южного Кавказа, используя экономические рычаги наряду с культурно-историческими связями, что позволяет Анкаре расширять влияние посредством проектов газотранспортных коридоров и диверсификации энергетических источников. Турецкая внешняя политика, направленная на создание альтернативных энергетических путей, ставит перед странам региона необходимость поиска сложного баланса между традиционными союзниками и новыми геополитическими партнерами, усложняя тем самым внутренние политические дискурсы и стимулируя развитие более гибкой дипломатической практики.

Свою роль в изменении энергетического ландшафта региона играет и Европейский союз, который, ориентируясь на обеспечение энергетической безопасности и декарбонизацию экономики, инициирует реформы энергетических рынков и внедрение инновационных стандартов в странах СНГ. Европейская поддержка реализуется через инвестиционные проекты, нормативно-правовое содействие и технические консультации, что способствует структурным трансформациям в энергетическом секторе, на-

правленным на снижение зависимости от традиционных поставщиков и создание условий для более тесной интеграции в евразийском пространстве.

В результате взаимодействия многочисленных внешних влияний порождается сложная динамика, при которой государства СНГ вынуждены перестраивать собственные энергетические стратегии, стремясь уравновесить сохранение исторически сложившихся связей с Россией и освоение новых, зачастую конкурирующих партнерств. Подобная многовекторность предоставляет возможности для диверсификации и повышения стратегической устойчивости, одновременно затрудняя формирование единых моделей регионального политического сотрудничества, что создает предпосылки для институциональной фрагментации и обострения конкуренции как внутри объединений, так и между внешними центрами влияния.

Завершая исследование, необходимо подчеркнуть, что процесс формирования устойчивых форм регионального политического взаимодействия в рамках СНГ, особенно на фоне углубляющейся энергетической кооперации между странами Центральной Азии и Южного Кавказа, выступает сложной и многомерной системой, в которой переплетаются исторические, институциональные и геополитические факторы, оказывающие системное влияние на поведение субъектов международных отношений. Несмотря на очевидные различия в уровнях интеграции и зависимостей, именно энергетический сектор выступает основой, вокруг которого консолидируются не

только экономические, но и политические интересы, способствуя формированию своего рода «устойчивой линии внешнеполитического поведения», поддерживающей устойчивость региональных связей вне зависимости от смены политических элит и колебаний глобальной конъюнктуры.

В контексте усиливающейся конкуренции между традиционным российским влиянием и растущей экспансией новых внешних акторов, таких как Китай, Турция и Европейский союз, страны СНГ оказываются перед необходимостью адаптации своих внешнеполитических и энергетических стратегий, балансируя между сохранением проверенных партнерств и поиском альтернативных источников развития и безопасности. Это создает предпосылки для увеличения институциональной гибкости, но одновременно и для усиления неоднородности и фрагментации в региональном взаимодействии, что требует от региональных акторов высокого уровня дипломатической изобретательности и стратегической дальновидности.

Исходя из вышесказанного, дальнейшее устойчивое развитие интеграционных процессов в СНГ невозможно без системного учета многогранных вызовов и возможностей, которые приносит с собой трансформация энергетического ландшафта, а также без выстраивания механизма сбалансированного взаимодействия между различными центрами силы, где энергия, в самом широком понимании, выступает не только товаром, но и стратегическим ресурсом, определяющим траектории региональной безопасности и политической стабильности.

ЛИТЕРАТУРА

- Аватков В.А., Спиридонова Н.А.* Транспортно-энергетические проекты России и СНГ // Геоэкономика энергетики. 2024. № 4. С. 6–26.
- Адамкулова Ч.У., Айтбаев Ж.К., Данков А.Г., Джоробекова А.Э., Доскожаева А.К.* Новый этап в решении проблем трансграничных рек Центральной Азии (2016–2023 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2024. № 1. С. 114–120.
- Бейсебаев Р.С.* Роль стран Центральной Азии в топливно-энергетическом комплексе Киргизии: состояние, проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. № 2. С. 284–291.
- Братерский М.В., Бордачев Т.В., Сулов Д.В. и др.* Невоенные рычаги внешней политики России: региональные и глобальные механизмы / под ред. М.В. Братерского. М.: ЛЕНАНД, 2017. 336 с.
- Кузнецов Д.А.* Институциональные аспекты евразийской энергетической интеграции: между суверенитетом и взаимозависимостью // Вестник Института стран СНГ. 2020. № 3. С. 45–59.

Кязимзаде М.М. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: основные тенденции развития // Инновации и инвестиции. 2018. № 5. С. 47–52.

Мамедов Л.Р. Международно-правовая основа сотрудничества Азербайджана и ЕС в сфере транзита энергоносителей // Теория и практика общественного развития. 2024. № 4. С. 197–203.

Ранджбар Д., Мукан С.М., Ниязгулова А.А. Газопровод «Центральная Азия – Центр»: вызовы и возможности современных энергетических отношений России и стран Центральной Азии // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2024. № 2. С. 216–226.

Рыпневская А.С. Перспективы взаимодействия государств – участников СНГ // Современная Европа. 2024. № 2 (123). С. 203–211.

Сетов Н.Р. Политический реализм: теория и метод. М.: Изд-во МГУ, 2013. 184 с.

Современная геостратегия Российской Федерации в условиях становления нового мирового порядка: сборник материалов круглого стола. Кубинка, 12 августа 2024 г. М.: Изд. дом «УМЦ», 2024. 488 с.

Уелданов С.Р. Роль энергетического фактора в формировании и развитии ЕАЭС // Мировая политика. 2024. № 1. С. 44–57.

Умаров Д.Г. Современные проблемы и перспективы совершенствования энергетической политики Узбекистана // Постсоветские исследования. 2022. № 5. С. 482–493.

REFERENCES

Adamkulova Ch.U., Aitbaev Zh.K., Dankov A.G., Dzhorobekova A.E., Doskozhaeva A.K. Novyi etap v reshenii problem transgranichnykh rek Tsentral'noi Azii (2016–2023 gg.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. 2024. № 1. S. 114–120. (In Russ.) [Adamkulova Ch.U., Aitbaev Zh.K., Dankov A.G., Dzhorobekova A.E., Doskozhaeva A.K. A New Stage in Solving the Problems of Transboundary Rivers of Central Asia (2016–2023) // Bulletin of Tomsk State University. Series: History. 2024. № 1. P. 114–120.]

Avatkov V.A., Spiridonova N.A. Transportno-energeticheskie proekty Rossii i SNG // Geoekonomika energetiki. 2024. № 4. S. 6–26. (In Russ.) [Avatkov V.A., Spiridonova N.A. Transport and Energy Projects of Russia and the CIS // Geoeconomics of Energy. 2024. № 4. P. 6–26.]

Beisebaev R.S. Rol' stran Tsentral'noi Azii v toplivno-energeticheskom komplekse Kirgizii: sostoyanie, problemy i perspektivy // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. № 2. S. 284–291. (In Russ.) [Beisebaev R.S. The Role of Central Asian Countries in the Fuel and Energy Complex of Kyrgyzstan: Status, Problems, and Prospects // Bulletin of RUDN University. Series: International Relations. 2018. № 2. P. 284–291.]

Braterskii M.V., Bordachev T.V., Suslov D.V. i dr. Nevoennyye ryuchagi vneshnei politiki Rossii: regional'nye i global'nye mekhanizmy / pod red. M.V. Braterskogo. M.: LENAND, 2017. 336 s. (In Russ.) [Bratersky M.V., Bordachev T.V., Suslov D.V. et al. Non-military levers of Russia's foreign policy: regional and global mechanisms / ed. by M.V. Bratersky. M.: LENAND, 2017. 336 p.]

Kuznetsov D.A. Institutsional'nye aspekty evraziiskoi energeticheskoi integratsii: mezhdru suverenitetom i vzaimozavisimost'yu // Vestnik Instituta stran SNG. 2020. № 3. S. 45–59. (In Russ.) [Kuznetsov D.A. Institutional aspects of Eurasian energy integration: between sovereignty and interdependence // Bulletin of the CIS Institute. 2020. № 3. P. 45–59.]

Kyazimzade M.M. Integratsionnye protsessy na postsovetском prostranstve: osnovnye tendentsii razvitiya // Innovatsii i investitsii. 2018. № 5. S. 47–52. (In Russ.) [Kazimzade M.M. Integration processes in the post-Soviet space: main development trends // Innovations and Investments. 2018. № 5. P. 47–52.]

Mamedov L.R. Mezhdunarodno-pravovaya osnova sotrudnichestva Azerbaidzhana i ES v sfere tranzita energonositelei // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2024. № 4. S. 197–203. (In Russ.) [Mamedov L.R. International legal basis for cooperation between Azerbaijan and the EU in the field of energy transit // Theory and practice of social development. 2024. № 4. P. 197–203.]

Ranzhbar D., Mukan S.M., Niyazgulova A.A. Gazoprovod «Tsentral'naya Aziya – Tsentr»: vyzovy i vozmozhnosti sovremennykh energeticheskikh otnoshenii Rossii i stran Tsentral'noi Azii // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2024. № 2. S. 216–226. (In Russ.) [Ranjbar D., Mukan S.M., Niyazgulova A.A. The Central Asia – Center Gas Pipeline: Challenges and Opportunities in Contemporary Energy Relations between Russia and the Central Asian Countries // RUDN University Bulletin. Series: International Relations. 2024. № 2. P. 216–226.]

Rypnevskaya A.S. Perspektivy vzaimodeistviya gosudarstv-uchastnikov SNG // Sovremennaya Evropa. 2024. № 2 (123). S. 203–211. (In Russ.) [Rypnevskaya A.S. Prospects for Interaction between the CIS Member States // Modern Europe. 2024. № 2 (123). P. 203–211.]

Setov N.R. Politicheskii realizm: teoriya i metod. M.: Izd-vo MGU, 2013. 184 s. (In Russ.) [*Setov N.R.* Political Realism: Theory and Method. M.: Moscow State University Publishing House, 2013. 184 p.]

Sovremennaya geostrategiya Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh stanovleniya novogo mirovogo poriadka: sbornik materialov kruglogo stola. Kubinka, 12 avgusta 2024 g. M.: Izd. dom «UMTS», 2024. 488 s. (In Russ.) [Modern Geostrategy of the Russian Federation in the Context of the Emergence of a New World Order: A Collection of Materials from a Roundtable Discussion. Kubinka, August 12, 2024. M.: Publishing House «UMC», 2024. 488 p.]

Uel'danov S.R. Rol' energeticheskogo faktora v formirovanii i razvitii EAES // Mirovaya politika. 2024. № 1. S. 44–57. (In Russ.) [*Uel'danov S.R.* The Role of the Energy Factor in the Formation and Development of the EAEU // World Politics. 2024. № 1. P. 44–57.]

Umarov D.G. Sovremennye problemy i perspektivy sovershenstvovaniya energeticheskoi politiki Uzbekistana // Postsovetskie issledovaniya. 2022. № 5. S. 482–493. (In Russ.) [*Umarov D.G.* Current Problems and Prospects for Improving Uzbekistan's Energy Policy // Post-Soviet Studies. 2022. № 5. P. 482–493.]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрienко Егор Сергеевич, аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва, Российская Федерация).

E-mail: egor.andrienko29@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egor S. Andrienko, PhD student of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation).

E-mail: egor.andrienko29@gmail.com